

— Теперь понимаешь, откуда взялось это «развращённое» тело? — голос его был низким, почти бархатным, но в нём сквозило ядовитое лезвие. — Несколько месяцев назад господин председатель ведь находил это забавным. Развлекался, унижал меня.

Ци Хань медленно опустил голову. Густая алая капля скатилась из уголка его губ.

— Это... это всё, что ты пережил за эти пять лет?

Фу Гэ равнодушно пожал плечами.

— Лишь верхушка айсберга.

Ци Хань перевёл взгляд вниз. У его ног лежал нож. Он смотрел на него несколько долгих секунд, затем поднял глаза.

— Если я умру... ты сможешь жить дальше?

Фу Гэ тоже посмотрел на лезвие. В глазах его что-то мелькнуло, и вдруг голос его предательски дрогнул.

— Не... не льсти себе. Ты слишком переоцениваешь свою важность для меня.

— Гэ... — голос его сорвался. Он посмотрел на Фу Гэ, как смотрят на того, кто собирается стереть себя с лица земли. — Я прошу тебя, пожалуйста... заткнись.

Но Фу Гэ не собирался его жалеть.

— Ты правда думал, что я тебя любил?

Ци Хань замер. Его пальцы уже тянулись к ножу, но вдруг остановились, словно парализованные.

Фу Гэ сжал ладони, вбивая ногти в кожу, так, будто мог заглушить боль от собственных слов. Голос его был сух, пуст, но за каждым слогом стоял глухой, неутраченный крик.

— Я никогда... никогда не любил тебя.

— «Влюбился с первого взгляда» пять лет назад? «Снова вместе» спустя столько лет? Все это была ложь.

— Никто... никогда тебя не любил.

— Никто тебя не спасал.

— Ты просто был жалким, отчаянным, сломленным существом, которому нужен был дом. Такой послушный, такой наивный, такой дрожащий, как бездомная псина, что прижимается к первому, кто её приласкает.

Он усмехнулся.

— Я просто решил сыграть с тобой. Разве можно было не воспользоваться таким шансом?

Он поднял бровь, будто издеваясь:

— Господин председатель, и что же, ты до сих пор веришь в эту глупую шутку?

Альфа не шелохнулся. Голова его была запрокинута назад, дыхание — неровным, а из-под белой повязки, закрывающей глаза, вдруг тонкой тёмной полосой стекла кровь.

Убить — это одно. Уничтожить — совсем другое.

Он больше не смел вспоминать Фу Гэ таким, каким видел его пять лет назад. Потому что тот мальчик был мёртв. И он больше не мог прятаться в воспоминаниях о своём счастье. Потому что Фу Гэ не оставил от него ни следа.

Две тысячи девятьсот тридцать два дня — и ни одной секунды, что оказалась бы правдой.

Никто не заслуживает права прятаться в воспоминаниях и спокойно жить дальше.

— Гэ...

Перед тем как Фу Гэ ушёл, Ци Хань вцепился в край его брюк, цепляясь за этот последний, призрачный луч надежды. Голос его был тихим, едва слышным, как предсмертный выдох:

— Когда я запер тебя в той комнате... я ведь говорил тебе то же самое, да?

Фу Гэ остановился, но не обернулся.

— Да.

А затем, ровно, без колебаний:

— Только разница в том, что ты тогда лгал.

— А я сейчас говорю правду.

Фу Гэ почти выбежал из той комнаты.

Он не осмелился оглянуться, не смог встретиться взглядом с глазами Ци Ханя. Стоило только переступить порог — и ноги его подкосились, он рухнул на пол, словно из него вытянули все силы.

— Сяо Гэ! — Ци Чуань бросился к нему, пытаясь поддержать, но Фу Гэ тут же резко оттолкнул его и срывающимся голосом выдохнул:

— Иди... посмотри, очнулся ли он.

Ци Чуань застыл.

— Ты... ты всё это делал, чтобы вывести его из ступора?

Глаза Фу Гэ покраснели, в уголках блестела несдержанная влага, он смотрел прямо перед собой, будто ничего не видел, а затем вдруг выдавил кривую, горькую усмешку.

— Если бы он так и остался в своих воспоминаниях, на кого бы мне тогда направить свою месть?

Гулкие шаги раздались в коридоре, в тот же миг мимо него пронеслась целая команда медиков, за ними следовали трое охранников.

Фу Гэ остался сидеть у двери. Он обнял колени, прижался спиной к холодной стене.

Было жарко. Пот стекал по телу, одежда липла к коже, но он не чувствовал тепла. Только пронизывающий до костей холод. Пять лет ненависти, спрессованной до плотной, удушающей массы. Полгода притворства, которое рухнуло в одно мгновение.

Он сам воздвиг для себя клетку — сложенную из эмоций, сжатую до прутьев из боли и отчаяния.

Каждый металлический шип этой клетки вонзался в Ци Ханя. И каждый — так же глубоко в него самого.

Он медленно поднялся, опираясь на стену. Вздрыгнул, стяхивая с одежды липкий пот, хотел пойти в душ, смыть с себя весь этот жар, но в тот момент из комнаты раздался жуткий вопль.

Грохот.

Цепи со звоном врезались в пол, мебель с грохотом разлетелась в стороны, кто-то из медиков вскрикнул, выбегая в коридор. Несколько омега-врачей прижали руки к носу, побелев от страха.

— Что случилось?! — Фу Гэ схватил одного из них за рукав.

— Пациент... вошёл в фазу гиперчувствительности! — Доктор быстро опёрся на стену, пытаясь отдышаться. — Его уровень слишком высокий... Простите, господин Фу, мы... мы не справимся!

Фу Гэ застыл. Гиперчувствительность...

Это... Я сам спровоцировал её?

Он молча толкнул дверь, в комнате стоял хаос.

Ци Хань был на полу, обезумевший, выл, как раненый зверь, дёргая железные цепи, что сковывали его тело. Кулаки его с силой врезались в пол, в стены, в собственную голову, из-под перевязки на глазу стекали густые, алые капли. В бреду, он сжал окровавленные пальцы и вонзил ногти себе в шею, в попытке содрать с себя кожу.

— Как... как такое возможно? — Фу Гэ зацепился взглядом за Ци Чуаня, его голос сорвался на шёпот. — Почему у него такая реакция?

— Потому что он слишком долго её сдерживал. — Ци Чуань с силой дёрнул цепь, пытаясь удержать Ци Ханя. — Чем сильнее альфа, тем дольше он может подавлять её, но если срыв всё же случается... он теряет рассудок. А ты только что... ты же довёл его до предела! Если это не остановить, он просто... взорвётся.

— Используйте это!

Один из врачей в панике вытащил из кейса большую шприц-ампулу с густой, бледно-голубой жидкостью.

— Сильнодействующий ингибитор! Он только что был у меня с собой! Одна инъекция — и он моментально успокоится!

Фу Гэ поднял голову.

И тут же увидел, как Ци Хань замер.

Всё его тело в секунду обмякло.

Он уставился прямо на шприц будто увидел призрак. Медленно, словно сломанная кукла, он дёрнул головой, отчего слипшиеся от крови волосы слиплись ещё сильнее.

Этот раствор... Именно его ему вкалывали, когда он был заперт в доме Фу Чжэнъина.

Именно эта жидкость стала причиной смерти его отца.

Он не мог даже смотреть на неё. Не мог даже думать об этом.

— Не... не подходи...

Бледно-голубая ампула вытянула из него все силы, в одно мгновение.

Ци Хань начал медленно отступать назад, ноги подгибались, он хватался за воздух, но ничего не мог ухватить. Он выглядел, как беспомощный ребёнок, отчаянно скользя взглядом по лицам в комнате, словно искал спасение, которого не было. Губы дрожали, голос был едва слышен, будто испуганный зверёк, забившийся в угол:

— Я больше не могу... хватит... я не выдержу... не колите меня... я не могу больше...

Врач не знал, какие демоны терзают его разум, он видел перед собой лишь обезумевшего альфу, которого нужно было усмирить. Глаза его сузились — одного укола будет мало.

— Минимум два.

Он вытащил ещё несколько ампул, бросил коллегам. Четверо в белых халатах сомкнули круг, сжимая в руках шприцы, длинные иглы которых уже сочились прозрачной жидкостью, капли падали на пол, растекаясь зловещими разводами.

Ци Хань побледнел, спина взмокла от ледяного пота. Он трясся, будто осиновый лист, сжимая руки, ногти впивались в кожу.

— Я сказал, не подходите!

Он вжался в угол, судорожно метнулся в сторону, хватая всё, что попадалось под руку, швыряя во врачей, как зверь, загнанный в ловушку. Внезапно его взгляд зацепился за фигуру у двери.

Фу Гэ.

Словно человек, тонущий в ледяной воде, в последний момент увидел проблеск света.

— Брат... спаси меня...

В этот миг альфа рванул вперёд, преодолевая собственные границы, распарывая ногтями кожу, рвущимися связками выталкивая отчаянный крик, прорываясь сквозь цепкие руки, окружившие его, — ещё чуть-чуть, ещё один шаг, и он достанет до него.

Но в последнюю секунду что-то щёлкнуло. Железная цепь, которая сдерживала его, с треском сжалась, и Ци Хань, будто воздушный шарик, резко дёрнули назад.

— Сейчас! Вводите!

Четыре человека навалились сверху, впечатывая его в пол. Голова прижата, руки вывернуты.

Две огромные иглы одновременно вонзились в руку.

Крик разорвал воздух. Боль вспыхнула по венам, сжигая его изнутри, превращая тело в раскалённый металл.

Глаза его были прикованы к дверному проёму.

— Ты... ты же говорил... ты обещал...

Фу Гэ закрыл рот рукой, сдерживая рыдания, но всё равно дрожал. Он опустился на колени, не в силах даже шагнуть вперёд.

Ему было восемнадцать, когда Ци Хань просыпался по ночам, срываясь с подушек, в панике цепляясь за него. Десятки раз. Снова и снова.

Фу Гэ кутал его в одеяло, тёплыми руками гладил по спине, рассказывал истории, пел, шептал успокаивающие слова.

— Брат... мне снова приснилось... меня били... пинали... кололи этими огромными иглами... морили голодом...

Фу Гэ гладил его по голове, его голос был тёплым, как детская колыбельная:

— Всё прошло. Я здесь. Я никому не позволю причинить тебе боль.

— А если они снова придут? Ты спасёшь меня?

— Конечно. Я всегда спасу тебя.

Но травмы детства не лечатся годами. Разбитые души невозможно склеить за ночь. Ци Хань не знал, что значит «исцелиться». У него никогда не было этой роскоши.

У него был только один проблеск света в темноте — короткий миг, когда ему казалось, что он нашёл дом.

— Ты... ты правда... оставил меня... да?

Фу Гэ захлебнулся слезами.

— Если не сделаем укол... ты умрёшь...

Голос Ци Ханя дрогнул.

— Но мне... так больно.

— Последний укол. Клянусь, это последний. Потерпи ещё чуть-чуть.

Фу Гэ поднялся на ноги, осторожно опустился на колени рядом с Ци Ханем, протянул руку, но не успел коснуться его — сирена взорвала тишину, звуковая волна ударила по ушам, вспыхнули ослепительные красные всполохи.

— Что-то не так! — голос был напряжённым, почти рвущимся. — Концентрация феромонов резко подскочила!

Он и врачи разом повернули головы.

Ци Хань бился в конвульсиях, когтистыми пальцами царапал пол, изо рта шла пена, зрачки закатились, обнажая белки.

— Чёрт, тахикардия! Он впадает в шок! — доктор сжал ладони в замок и начал непрямой массаж сердца.

Молодой медбрат с жёлтыми волосами уже вскрыл очередную ампулу, поднёс шприц к вене.

— Ввести ещё одну дозу!

— Нет! — Фу Гэ перехватил его за запястье. — У него фобия игл! Шок начался из-за укола!

Но медбрат рванул руку, грубо оттолкнул его.

— Отойди! Я врач, мне виднее!

Бета не удержался, покачнулся, кубарем покатился по полу. Шприц отлетел в сторону, колпачок ударился о плитку и покатился к его ноге. Фу Гэ поднял его, взглянул на надпись.

И похолодел.

Это... не ингибитор. Что ему ввели?

— Хватайте его! Он не врач!

Телохранители, державшие Ци Ханя, вскочили, но было поздно. Жёлтоволоосый медбрат резко развернулся, рванул к Фу Гэ.

— Сяо Гэ! — кто-то крикнул.

— Господин Фу!

Всё смешалось, вспыхнула паника. Медбрат уже схватил его за горло, крепкие пальцы сомкнулись на шее, вытягивая его вверх, острая игла мелькнула в воздухе, целясь прямо в глаз.

И тогда тень метнулась вперёд.

Ци Хань.

Он бросился грудью, прикрывая Фу Гэ, как непроходимая каменная стена. Игла вонзилась в плечо, с глухим щелчком разрывая кожу.

— А-Хань... — голос Фу Гэ дрожал, как осенний лист, губы побелели, будто кровь отхлынула.

Ци Хань обхватил его за талию, бережно опустил на пол, отстранился и вытер с его лица собственную кровь — единственным оставшимся чистым краем рукава.

— Не плачь... Не бойся... Всё хорошо...

Но в следующую секунду всё в нём переменилось. Высший альфа, в разгар чувствительного периода, был оружием массового уничтожения. В тот миг, когда его пальцы разжались, отпуская Фу Гэ, вся мягкость исчезла.

Ци Хань резко дёрнул плечом, вырывая иглу, сломал её одним движением и, прежде чем медбрат успел понять, что происходит, метнулся вперёд — и вонзил обломок прямо в его шею.

Полоска крови хлынула, вырываясь под давлением, сверкающей дугой рассыпаясь в воздухе, густыми каплями падая на лицо Ци Ханя.

В тот же миг его информационные феромоны сорвались с цепи. Они хлынули в пространство, как стремительная волна, поглощая всё вокруг, беспощадно подавляя каждую живую душу в этой комнате. Ядовитый, безжалостный аромат хлынул, как лавина, сметая пространство, топя всех, кто оказался рядом.

Все — охранники, врачи — инстинктивно отступили. По их спинам стекали капли холодного пота. Давление в воздухе лишало дыхания, заставляло колени подгибаться.

Только Фу Гэ не ощутил ничего. Его окружало пустое пространство, невидимая защита, не пропустившая к нему и капли подавляющей ауры.

Альфа стоял перед ним, раненный, истекающий кровью, изломанный, но непоколебимый. Фу Гэ пошевелился, пытаясь подняться, но тут же замер — горячая ладонь легла ему на плечо, надавила, удерживая на месте.

— Господин, осторожно! — охранники насторожились, увидев, как альфа нависает над ним. В страхе, что он причинит вред, они ударили по кнопке.

— Не смейте! — Фу Гэ сорвался на крик, но уже было поздно.

Железо натянулось. Ци Ханя дёрнуло назад, снова швырнуло в воздух, затем — с хрустом о стену.

Он только поднял голову и посмотрел последний раз на Фу Гэ.

— Он не хотел меня ранить! — голос Фу Гэ дрожал от злости и отчаяния. — Он просто пытался остановить кровь!

Охранник усмехнулся, в его смехе было полное пренебрежение:

— С таким, как он, ничему удивляться не приходится. Вам бы лучше быть осторожнее, сэр —

— Хватит! — холодно перебил его маленький бета. Голос звучал жёстко, властно. — Вон. Это вас не касается.

Охранник замолчал, словно захлебнувшись собственными словами, а потом поспешно скрылся за дверью. Ци Чуань хотел что-то сказать, но Фу Гэ опередил его:

— Все. Вон. Немедленно.

На полу валялись три пустых шприца. Один из них отличался от остальных — тот самый, которым медбрат успел вколоть что-то в тело Ци Ханя. Фу Гэ поднял его, сжимая пальцами холодный пластик. Надо срочно узнать, что это за препарат.

Но стоило Ци Ханю увидеть шприц, как он вздрогнул, попятился, сгорбившись, будто пытаясь стать меньше, исчезнуть. От надменности, от вечной уверенности в себе не осталось ни следа — только чистый, всепоглощающий ужас.

— Ты... Ты снова хочешь... вколоть мне это?..

Фу Гэ застыл. Всего на мгновение. Но этого хватило, чтобы глаза наполнились слезами.

— Нет... Нет, конечно. Я не буду... — голос дрогнул. — Но игла всё ещё в твоём плече. Дай мне вынуть её, хорошо? И... тебе нужен врач. Срочно.

— Врач?.. Он... спасёт меня?..

— Да, да! Конечно! Врачи помогут, обязательно...

Но Ци Хань не верил. Он поднял на него взгляд — пустой, потерянный, с голосом, слабым, едва слышным, будто комариный писк:

— Ты лжёшь. Брат меня бросил. Никто... никто не станет меня спасать...

— А-Хань... давай просто сначала залечим раны, ладно?..

Но альфа покачал головой, отступая назад, волоча ноги по полу, словно его загнали в угол:

— Нет... не подходи...

— Я не причиню тебе боль, — Фу Гэ сделал шаг, осторожно, как если бы пытался успокоить дикого зверя. — Я просто выну иглу... она всё ещё в твоём плече...

— Но... — дыхание Ци Ханя сбилось, глаза лихорадочно метались по комнате. — Я... я в фазе острого восприятия... Я потеряю контроль... Ты должен уйти. Немедленно. Уходи, слышишь?!

Фу Гэ посмотрел на него, почти с сочувствием.

— И что тогда? Оставить тебя здесь?

Альфа не знал, что ответить. Он тряхнул головой, сжал зубы, пытаясь удержаться, но тело предавало его. Он шагнул назад. Нечто твёрдое качнулось под его ногой.

Нож.

Ци Хань застыл. Потом медленно, механически поднял его.

Фу Гэ похолодел.

— Что ты делаешь?!

— Я не хотел... никогда не хотел... — губы альфы дрожали, пустой взгляд не отрывался от лезвия. — Я потерял контроль...

— А-Хань... А-Хань, послушай меня... Пожалуйста, успокойся... Давай сначала залечим раны, ладно?

Ци Хань покачал головой, нож в его руке дрожал, будто подвешенная на нитях марионетка, у которой вот-вот перережут леску.

— Не стоит... Бесполезно... — Он смотрел прямо перед собой, но взгляд был пустым, как у сломанной игрушки. — Ты лжёшь... Ты не станешь меня спасать.

И вдруг Ци Хань улыбнулся.

Смех был странный, будто чужой, наполненный осознанием чего-то страшного.

— Точно... Никто не спасёт меня — Голос дрожал, но не от страха. — Отец... Сяо Гэ... Они все

отказались от меня... Всё кончено.

Лезвие с хрустом вошло в грудь.

— А... А-Хань... А-Хань! Врача! Срочно, врача!

Он бросился вперёд, схватился за рукоять ножа, его пальцы сводило судорогой, а рот сам собой разрывался в беззвучном крике.

Ци Хань закашлялся, кровь заполнила его лёгкие, но сознание не угасло. Рука дрогнула, медленно поднялась, но не коснулась лица Фу Гэ. Вместо этого он оттолкнул его пальцы от рукояти ножа.

— Не оставляй отпечатков...

— Что?..

Ци Хань вытащил из кармана измятую, залитую кровью бумагу. В самом верху чётко выделялись два иероглифа: «Признание вины».

— Когда я умру отнеси мой труп и это письмо в полицию... Скажи, что я покончил с собой, избегая наказания... Я всё продумал.

Фу Гэ зажмурился, голова опустилась, плечи содрогнулись, и всё тело затряслось от рыданий.

— Когда ты это написал?..

— Очень давно... — голос Ци Ханя слабел, но в нём по-прежнему звучала усмешка. — Глупый... У тебя было слишком много дыр в плане... Одного видео было недостаточно, чтобы доказать мою вину.

— Брат, ты даже не знаешь, как ты смотрел на меня, когда тебе было восемнадцать...

Такой сосредоточенный, такой яркий... В глазах отражались сотни огней, ослепительный свет, наполненный обожанием, таким сильным, будто во всём мире существовал только один человек — его альфа.

— В тот день, когда ты сказал в больнице, что мы можем начать всё сначала... Я боялся посмотреть тебе в глаза.

Ци Хань слабо улыбнулся.

— Глаза не умеют лгать... Я знал: стоит мне заглянуть в них — и я увижу... что ты никогда больше не полюбишь меня.

— Я знал, что в тебе кипит злость... Я помогу тебе её выплеснуть.

— Я знал, что ты не сможешь довести это до конца... Поэтому я сделаю это за тебя.

Если бы Фу Гэ убил его сам, это стало бы раной, которая не заживёт ни через год, ни через десять, ни за всю жизнь. Боль, что будет гнить в сердце, разрастаясь и оставляя следы, от которых не сбежать.

Ци Хань не мог этого допустить. Он знал это ещё тогда, когда добровольно вошёл в ловушку Фу Гэ.

Ещё тогда решил для себя: этот конец должен принадлежать только ему.

Бесконечные дни в заточении, сознательная жертва, безропотные пытки — всё это было нужно, чтобы Фу Гэ смог разозлиться. Чтобы он выплеснул боль. Чтобы в какой-то момент смог отпустить.

Только тогда Ци Хань мог уйти без сожалений.

— Моя жизнь уже закончилась. — Голос его стал тише, слова дались с трудом. — А твоя только начинается.

Он чуть дёрнул уголками губ, но улыбка вышла кривой, болезненной.

— Как ты можешь провести остаток своих лет, помня обо мне.

— Поздравляю, малыш... Ты отомстил.

— Снежные горы исполнят моё желание.

Он закрыл глаза, тяжело втягивая воздух, словно уже чувствовал, как холод медленно окутывает его сознание.

— Мой маленький Гэ.

<http://bllate.org/book/14453/1278349>